

Чарлз Уэбстер Ледбетер

Комната барона

*Часть сборника
Экзорцист. Лучшие мистические
рассказы*

Чарлз Уэбстер Ледбетер
Комната барона

«ЭКСМО»

1911

УДК 821.111-312.2

ББК ББК 84(4Вел)-44+84(7Сое)-44

Ледбетер Ч.

Комната барона / Ч. Ледбетер — «Эксмо», 1911

«...Однажды я пересказал этот сюжет, как сумел, одной своей знакомой – известной романистке, и она постаралась, кое-что меняя и принося живописные подробности, сделать его выразительней и драматичней, однако и ей не удалось воспроизвести магическое очарование, каким облекла его мадам Блаватская. Что не сумела сделать писательница, то тем более не подвластно и мне, и все же я попытаюсь как можно точнее передать все, что запомнил из рассказа мадам Блаватской...»

УДК 821.111-312.2

ББК ББК 84(4Вел)-44+84(7Сое)-44

© Ледбетер Ч., 1911

© Эксмо, 1911

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Чарльз Уэбстер Ледбетер

Комната барона

Перевод Людмилы Бриловой

Мадам Елена Петровна Блаватская отличалась многообразием талантов и была самой необычной личностью из всех, кого я знал. Ее последователи, разумеется, видят в ней выдающегося учителя оккультизма, которому все мы бесконечно обязаны, но для нас, кому повезло быть знакомым с ней непосредственно, она значит гораздо больше, и наша память хранит ее в самых различных ролях. К примеру, в тех редких случаях, когда она соглашалась продемонстрировать свой талант пианистки, ее игра поражала и зачаровывала. Пусть она ненавидела условности и нередко без всякой необходимости их нарушала (или так нам в то время казалось), однако при желании изобразить большую аристократку выступала в этом амплуа так убедительно, как никто другой. Блестящий собеседник, она могла рассуждать о чем угодно, но ближе всего ей была область мистического. Все ее повествования бывали остроумны и выразительны, но лучше всего ей удавались истории о привидениях.

Никогда не забуду нашего совместного путешествия из Египта в Индию в 1884 году, когда мы вечерами слушали на борту парохода «Наварино» ее рассказы. В пеструю компанию наших попутчиков затесалось несколько миссионеров, причем иные из них того агрессивно-невежественного типа, что в нынешние времена, пожалуй, немного повывелся. Пикировки происходили сплошь и рядом, причем презабавные, поскольку мадам Блаватская знала вероучение и священные тексты христианства гораздо лучше, чем его самозванные поборники. Однако даже самые зловерные из миссионеров поддавались гипнотизму, когда мадам Блаватская вечерами после обеда принималась рассказывать на палубе истории о привидениях. Она зачаровывала слушателей, играла на них, как на струнах, и при случае наводила такую жуть, что, как я неоднократно замечал, они после подобного рассказа боялись оставаться одни и повсюду ходили парами.

Именно при таких обстоятельствах мы познакомились с «Пещерой эха», «Околдованной жизнью» и другими легендами, которые при желании можно прочесть в ее «Кошмарных историях». Я запомнил один эффектный рассказ, не попавший в этот сборник. Если бы у меня получилось изложить его в манере мадам Блаватской, читатели, вероятно, испытали бы те же чувства, что и мы в тот вечер, но я знаю, что это невозможно. Однажды я пересказал этот сюжет, как сумел, одной своей знакомой – известной романистке, и она постаралась, кое-что меняя и привнося живописные подробности, сделать его выразительней и драматичней, однако и ей не удалось воспроизвести магическое очарование, каким облекла его мадам Блаватская. Что не сумела сделать писательница, то тем более не подвластно и мне, и все же я попытаюсь как можно точнее передать все, что запомнил из рассказа мадам Блаватской.

* * *

Двое юношей (назовем их Шарль и Анри) совершали как-то пешее путешествие по самым привлекательным местам живописной французской земли. Однажды, уже под вечер, перед ними возник красивый городок, лежавший в уединенной долине. Гостиницы, лавки и дома поменьше теснились в центре, на берегах небольшой речушки, а просторные жилища видных горожан были раскинуты по пологим склонам окрестных холмов. Друзья рассчитывали провести ночь в главной гостинице города; один из них, месье Шарль, собирался в гости к знакомым, жившим на окраине.

На краю долины, где дорога пошла под уклон, путешественники увидели старый, похожий на красивую картинку, дом, чуть ли не сплошь одетый плющом и другими вьющимися

растениями. Он стоял немного в стороне от дороги и весь, вместе с обширным парком, носил на себе следы запустения, ясно говорившие о том, что здесь никто не живет, причем уже долгие годы. Друзья поразились как виду дома, так и его живописному расположению, и Анри, который увлеченно коллекционировал старомодную мебель, стал гадать о том, какие сокровища здесь, возможно, хранятся. Поскольку дом явно пустовал, юношам, естественно, вздумалось разыскать смотрителя, чтобы тот пустил их внутрь, и они направились к крохотной сторожке, тоже запущенной и тонувшей в пышной растительности и все же, несомненно, обитаемой.

В ответ на стук к двери подошел древний старец. Он выслушал просьбу осмотреть комнаты и, вежливо извинившись, отказал. Завязалась беседа: старый смотритель, очевидно, вел очень уединенное существование и был рад случаю с кем-то поговорить. Анри первым делом справился о мебели, узнал, что она старая, очень старая, и стоит нетронутой с тех давних времен, когда уехали последние жильцы, и им овладело неудержимое желание взглянуть на нее хоть одним глазком. Со всей возможной деликатностью он намекнул старику, что готов щедро его вознаградить, однако услышал в ответ:

– Нет, месье, простите, но это невозможно. Я бы и рад воспользоваться вашим великодушием: живется мне туго, а времена нынче тяжелые. Но нет, об этом не может быть и речи.

– Но почему же, в конце концов? – удивился Анри. – Дом явно годами стоит пустой; проезжие и прохожие появляются редко, никто ничего не узнает, так почему бы не сделать приятное нам и не заработать самому?

– Ах, месье, не смею. Не из-за владельца или его агента: они и вправду ничего бы не узнали. Беда не в них, беда куда хуже! Не смею, месье, вы уж мне поверьте.

Почувяв тайну, друзья надели на старика, упрашивая открыть им истинную причину, и после долгих уговоров выяснили: у дома дурная слава, там случались ужасные вещи, и последние два десятка лет никто туда не входил, за исключением только агента, который изредка появляется и делает осмотр. Еще больше, чем старой мебелью, Анри интересовался сверхъестественными явлениями. Тут же заподозрив нечто интересное, он спросил:

– Вы говорите, у дома дурная слава? То есть, по слухам, там являются привидения?

– Увы, да, месье, – признался старик. – Но это не пустые толки, а жуткая правда.

Разумеется, наши приятели не успокоились, пока не услышали всю историю, хотя это стоило им немалого труда: старику, судя по всему, не хотелось говорить, и, ведя рассказ, он то и дело осенял себя крестным знаменем. Сюжет оказался прост: последний владелец вел жизнь скрытную и порочную, предавался, по слухам, дикому разгулу, заботился только о себе, был чудовищно жесток и сластолюбив. Подробностей старик не знал, но, так или иначе, дела барона всплыли на поверхность, на него посыпались несчастья, от которых он нашел (или думал, что нашел) избавление в самоубийстве. Однажды вечером он неожиданно-негаданно возвратился из Парижа, и на следующее утро его обнаружили мертвым в кресле. Горло у барона было перерезано.

По словам старика, за этим последовала череда самых страшных разоблачений, одна история безумней другой. В чем именно они заключались, смотритель не знал, миновало слишком много лет, да он и не разобрался во всех этих сложных обстоятельствах. Была вроде бы какая-то тяжба, семья потеряла все богатства, дом достался дальним родственникам. Судебное разбирательство завершилось, и новый собственник вступил во владение, когда со смерти барона минуло уже много лет. Но и тогда к обстановке дома никто не притронулся; ожидали нового хозяина, чтобы он все осмотрел; только, с помощью приглашенных садовников, привели в порядок парк. Прибыл хозяин с женой и слугами, провел в доме ночь, а на следующий день они, объявив, что ноги их больше здесь не будет, вернулись в Париж.

– А что с ними случилось? – изнывая от любопытства, спросил Анри. – Что они видели?

– Не знаю, месье, – ответил старик. – Слухи ходили разные, а какие из них правдивые, трудно сказать. Хозяин попытался сдать дом в аренду. Дважды там селились жильцы, но дольше одной ночи не задерживались. Во втором случае вышел скандал: одна дама была так напугана, что с ней случились припадки. Потом, говорили, она лишилась рассудка и умерла; после этого дом уже не сдавали. Правда, четырежды приезжали чужаки с письменным распоряжением от хозяина пустить их на одну ночь, и всякий раз это добром не заканчивалось. Один, как господин барон, перерезал себе глотку; другого хватил кондрашка, еще двое от страха сошли с ума. При одном упоминании этого места всех стало бросать в дрожь.

– А теперь, любезный, послушайте меня, – сказал Анри, – причем внимательно. Я говорю, что интересуюсь старинной мебелью, и обещал наполеондор, если вы разрешите мне посмотреть, что имеется в chateau¹. Но дома с привидениями мне в сто раз интересней, и после вашего рассказа я хочу и просто обязан провести ночь в этом. Даю сто франков, если вы меня пустите.

¹ Загородный дом (фр.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.